

07.91.

Москва. — 1991. — июль (№ 13). — с. 8-9

2. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Отрывкам из рукописи своей книги,
переданным в редакцию «М»,
народная артистка СССР

Лидия Павловна
СУХАРЕВСКАЯ

ПРЕДПОСЛАЛА
ЗАГолоВОК

КОЕ О ЧЕМ

(Начало в № 12)

С чем приходится столкнуться в роли? Радость, равнодушие, самомнение, жестокость, отчаяние и т. д. Это все я отношу к категории «движения души». Наши актерские души не всегда податливы, не всегда готовы к личным и острым ассоциациям. Мы долго не «вибрируем» своим актерским аппаратом. Мы неохотно его тревожим. Что же из своего опыта я пыталась применить на практике? После «движения души» я обычно нуждаюсь в ответе. Что я сейчас думаю? Но ведь вся роль состоит не из слов. Если всерьез говорить, то о внутренней партитуре из этой цепи мышления. Какую же связку ключей должен иметь режиссер, чтобы открывать набор наших актерских индивидуальностей! Но ему и некогда вдобавок ко всему. Надо по плану выпускать спектакль. И порой режиссеры наивно считают, особенно молодые, что актер — карандаш, которым можно написать его режиссерское эссе. Опасное и вредное заблуждение.

Года три назад в Доме актера читал лекцию академик Николай Александрович Амосов. Нас познакомили, и мы разговорились и оказались земляками. А когда я сказала, что училась в Грязовецкой школе, то я услышала знакомое моему сердцу «О-о-о! Вот как! Так моя жена из Грязовца». В Амосове мне нравится все. То, что он пишет, то, что он говорит, и как говорит, то, что советует людям в своих статьях так умно и просто.

Андрей Александрович Гончаров дважды в жизни поворачивал мою творческую судьбу. Если бы у меня был орден за спасение утопающих, то я бы попросила его принять его от меня. И вот — момент, когда, использовав все возможные средства борьбы с отчаянием, я зашла в тупик: Знаете, как бывает? И вдруг раздался звонок... Приглашение на Малую Бронную. Куда был только что назначен Андрей Александрович.

Наступили годы труда. Затем роль в пьесе Чапека «Мать». Работа была очень важная для меня. Мать всегда велика силой преодоления, и все мы знаем, что во время войны матерям и горевать-то некогда было.

Через некоторое время получила роль в пьесе Дюрренматта «Визит дамы». И за то время, как работала с чапековской «Матерью», я часто возвращалась мыслью к этой пьесе Дюрренматта. Не понимала ее. Не было «зова», роль молчала. Я изредка перечитывала пьесу. Бегло. Но однажды, чи-

тая пьесу, я стала вдруг плакать. А пьеса страшная. Там нет никакой поблажки чувствительности. Я плакала горько сама не зная почему, но появилось П Р Е Д Ч У В С Т В И Е. Мне это важнее всего. Без него из меня ничего не получится. Это случится позднее, но если не произойдет совсем, значит, не моя роль. Из меня одним трудом ничего не сделать. Какие удивительные минуты появления этого предчувствия. Бесмысленная радость. Это похоже на счастье. А потом начинается труд, иногда очень тяжелый, будни, до крайности мною любимые.

Я не искала в роли сопереживания, но поскольку у каждого человека есть свое сердце, то я занялась рассматриванием этого злого и страшного сердца, которое получила героиня Дюрренматта Клер в результате своей уродливой жизни.

Андрей Александрович захлестывает, увлекает энергией творческой мысли и действия. Было ли трудно? Было. Потому что режиссер УЖЕ видит, УЖЕ понимает, а актер не проникнут целиком задачей, потому что он вторичен, он «идет по следу», а Гончарова порой сжигает нетерпение. И на этой почве бывают горячие минуты. Думаю, что Андрей Александрович нашел в пьесе тот нужный ключ, который привел к успеху театра. Даже не очень контактный Дюрренматт и несколько в чем-то высокомерный, оставшись с актерами после спектакля, высказал благосклонное отношение.

Рыжей девчонке Клер не повезло в этом мире, что окружил ее существование. Она узнала вкус больших денег... Я потому так долго останавливаюсь на этой роли, что передо мной раскинулся веер проблем, философских и общечеловеческих, и узко актерских. Здесь проблема мстительности, проблема счастья, денег. Отличный набор для осуществления роли. Я обнаружила, что возмездие существует и нет ничего тайного, что не стало бы явным. Что месть, как бумеранг, оборачивается на мстителя, разрушает НЕЧТО в его личности, что счастье — вещь таинственная, при обилии денег, даже при стопроцентной дозволенности и доступности всего, что хочешь. Что деньги и счастье не имеют никакого отношения друг к другу.

А в театре на Бронной закрутился клубок энтузиастов во главе с директором М. П. Зайцевым вокруг пьесы, сделанной Судаковой по «Братской ГЭС». А почему энтузиастов? А потому, что у нас в это время не было главного режиссера, и мы самоуправлялись. На постановку пришел Поламишев.

Весь период работы был очень интересным. Очень много спорили, даже ругались, доходя до иступления, вкруговую, даже без рангов. Приходил Евтушенко, что-то подсказывал, кое-что прочитывал, он обладает удивительно эмоциональной вибрацией. Пьеса была вовремя поставлена и, по-моему, пылко сыграна актерами. Мы были дружны в этом спектакле. Мы были соучастниками. Как нигде я ощутила сладостное чувство обращаться к аудитории. Я испытывала глубокое сосредоточенное сценическое одиночество, это одиночество вдвоем со зрителем.

Затем наступил новый период работы — «На балу удачи». Якушкина-Сухаревская. Я не пыталась играть Эдит Пиаф, я хотела рассказать, как сумею, о ней. О ее жизнерадостности, доброте, ее равнодушии к «кругляшам», так в дни ее нищеты юности называли они деньги. Она очень много зарабатывала. Но у нее не было ни особляков, ни яхт, ни счетов в банке. Деньги рассеивались на всех окружающих ее людей. У нее в кармане была дырка. Она была равнодушна к деньгам, и это прекрасное ее свойство. Я не убеждена, что деньги так уж нужны. Вернее, так уж нужны для счастья. Вообще-то деньги в какой-то мере нужны, но не для счастья. А это совсем-совсем другое и неизвестно из чего состоит, откуда приходит и куда уходит.

Во всяком случае, жизнь Эдит Пиаф за фасадом была несчастной. Я стала раздумывать: не все так просто в мире обстоит с любовью. Вот выдержка из воспоминаний журналиста М. Блистена. «...Она любила Любовь, всю жизнь искала ее, она была смыслом ее существования, ею она дышала, о ней пела, хотя иногда, кроме горя, она ничего не приносила, и становилась поводом для создания прекрасных песен, которые заставляли замирать наши сердца».

Я стала раздумывать. Не все так просто в мире обстоит с любовью. Слово привычное, использованное, пережива-

ющее неоднократные девальвации. Порой сводимое к простейшему понятию. Почти к каждодневности. Где-то прочла: «Мир без любви — одичалый мир». Точно. Человек должен уметь любить, тогда он будет иметь право ненавидеть. Для ненависти требуется право. Да. Право. Начинать с ненависти нельзя. (Я имею в виду активно действующего в мире человека). Нельзя, потому что человек ставит разрушительлем, не более. Нельзя жить без любви к делу. Любому. Нельзя, не любя детей, их воспитывать, а тем более, заводить. Нельзя, не любя театр, безоглядно играть на сцене. Нельзя, не любя жизнь, писать статьи и книги о жизни. Если нет любви, но есть ненависть, это опасно. Опасность для людей, для общества, для мира. А причем тут ненависть? А при том, что стоит задать себе эти вопросы: что я люблю и что ненавижу, как сразу вещи станут на свои места. Это два стержневых вопроса не только в искусстве, но и в жизни. И ненависти человек должен знать цену, но право на нее может дать только любовь. Из ее обимы выпадают, конечно, любовь к веселой жизни, к вкусной еде, к безделью, к женщинам вообще, к деньгам и т. д., и т. п.

Я делюсь теми постепенно дошедшими до меня истинами, что утверждаются во мне. Это мои собственные «находки», конечно, найденные до меня многими людьми, но это и М О И истины, я С А М А их постигла, что крайне существенно. Помаленечку-помаленечку становишься человечнее, микродозами.

И все же нет-нет, да и задумаешься: почему же даже на другой день после премьеры — голодная?

Я думаю, а существует ли такая роль, после которой будешь чувствовать себя сытой? Может быть, то голодный бес, что тоскует во мне всю жизнь, совсем какая-то другая профессия, тем более, я всегда убеждена, что во всех нас существует уйма скрытых возможностей.

Как интересно играют дети. Ведь они проигрывают массу ролей. Кем они только не бывают. Вырастая взрослыми, за-

бывают их все. Забываем самих себя. Становимся более однозначными. Но актер должен помнить. Помнить и видеть во всех людях другие возможности себя самого. Надо помнить, какие ураганы и землетрясения порой меняют рельеф личности. Он еще более неведом, чем Марс, Венера и все планеты вместе взятые. И моя собственная судьба и театр так неразрывно связаны, и их взаимодействие бесконечно разнообразно и извилисто. Играя, репетируя, я одновременно открывала для себя мир, я познавала его, свою собственную личность; постигала ее несовершенство, в чем-то достигала успеха, до чего-то так и не добралась. Этим я хочу сказать, что искусство театра связано с самореализацией личности, и задача эта отнюдь не эгоистическая. Самореализация общества, самого мира, его лучших идей. Я думаю, что сообщая мы чего-то достигнем...

Я собралась как-то снова съездить в свою Вологодскую, где бываю, правда, нечасто. Приехала и загрустила. Пустеет мое Поповкино, а за ним и тысячи российских деревень. Но все равно, все равно...

«До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес».

Недавно прочла в рассказе Астафьева строчки о петухе. Они такие же удивительные, как удивительна его «Царь-рыба». «Красная борода его то и дело тряслась возле моего жилья. Он будил меня глубокой ночью. Я улыбался ему во сне, а утром он будил меня уже взаправду».

Я тоже не раз улыбалась на пень петуха. И думаю, что это едва ли не самое лучшее, что во мне есть. Наверное, оттого я так часто возвращаюсь именно к этим периодам своей жизни, что в избе у самого прогона жили мои бабушки по материнской линии. И провела я большую часть своего детства возле них. Большую и, очевидно, самую счастливую...

Сухаревская Л.